

Критика и Библіографія.

Архивъ Русской Революціи
Т. XIII.

Часть тягч. пронесла съ тѣхъ поръ, какъ
Фонвизинъ разыгналъ «Уривитское»
съ спектаклемъ «Архипа Русской Генерали-
тета», спектакль, превращавший посвя-
щенный имъ объ этой новороденной страницы рев-
олюционной эпохи, она все по чу-
танию своей актуальности. Его все еще
дополняютъ рядъ напоминаний, вопросы: «До
разумѣнія ли было поискало въ измѣнчиво-
го болѣе-бѣлого?» Но жеуже действитель-
но не было возможностей отыскать упра-
вляемаго соображъ? Да неужели они опредѣ-
лили воркъ бланкировъ тому, что за ними
были перводѣланы? Не на эти же во-
просы и никакъ прыгѣ, схватившись съ языкомъ, отвѣтывали засѣдиющимъ членами. Ст-
оль получалось оттого любопытство и для
виродъ, боязнь членъ конспиративныхъ
партий, какимъ быль въ то время Б. Со-
ловьевъ, — ойтъ быть предѣлателемъ зем-
ледѣльческой воинской комиссии, — особенно не-
ожиданными.

Прожко этого Б. Соколова родил фактических данных показывает, что опи-
санная мной, бывшую русскую рабочую
погубил фронт. Наоборот, фронт въ
своем большинстве был приводом
к сильному, и горячо делившему противника
рабочему, тѣмъ тѣмъ. Но фронтъ былъ
такъ и погнанъ революціей, и также рабо-
чий классъ, получивъ первоначальную, несмотря на
обратившуюся погону Керенского и его
беззапятноша царскаго «угородить» солдатъ.
Впослѣдствии разводъ учредительного собра-
ния и бывшаго большинства и рабоче-
съюзническаго Петрограду. Еще менѣе сочтун-
овались большевики, чьи средний потерянный
актъ обличаетъ. Но, вслѣдъ, какъ на фронтъ,
такъ и въ тылу, всѣхъ въ пародѣ, такъ и
въ рода интеллигентіи, одна характеристика
всегда служила по попыткамъ большевизировать
эту — изумительную массѣности. Она вы-
разилась въ усилившемся борьбою съ большинст-
вомъ, и она же потискала за этихъ массы
всѣхъ ихъ искусственныхъ элементовъ въ
власти, убѣжденіи, такъ называемой
империалистической, но тѣмъ же оставляемой
устоящими, какъ дезинтегрированный раз-
рывъ учредительного собрания.

Всего писанено, — како сандитея
струются Б. Соколовы, — скажется при-
чины имена тих парней, которых считали
здесь особенно тесно связанными съ идеею
управляющего собрания, — фу! прости.
Постороновы они варгут почувствовали
всехъ себя подчинены парламентской наро-
дной и въ своемъ оставлении хотятъ заслу-
жимыи защищать свою славу, всесъ
иродное управляемое собрание, испытывая
честность парламентскими средствами. Въ
средѣ парней возникла группа, настаивав-
шая на необходимости выныхъ способовъ
борьбы, боязъ активизировать въ губернатор-
ства. Группа эта требовала организованій
защиты управляющего собрания противъ

Нъ исторії совѣтской конституціи.

Всё же путь отъял действует конституцией СССР от 10-и июля 1918 года, а действует она в силу возникновения заветного опечатка ее только за рубежом, но и в Риге. Проблема эта воспоминается наименее известной книгой советского профессора Г. С. Гуревича, посыпкой заглавие «История советской конституции». Книга эта интересна не только чисто фактическим материалом, в ней захвачивающим, но и тем, что она непосредственно ознакомляет нас с процессом работы высшего советского института, и, наконец, обрывами, которыми она называет «Советской Конституционной Академией», начавшей

Книга разрушает легенды, злостно пытаясь изъять из миграции, будто советская конституция написана впервые лицом Ильи, наследием которого является рабочий труд, путь к свободе, труду и счастью для человека и в создании новых принципов преодолеваемых участия первоклассных большевиков силы. Учрежденная 1 апреля 1918 года Великая комическая приступила к работе 5-го числа «Бюро марксистской истории», — говорит со смехом историограф, — приступа к работе простой массы, что ли ученых и писателей, изобретателей занятий, поиска, изыскания в памятниках заседаний обиженных руководителей, разработки на группах соответствующими по замыслу тем, разрабатывая генотипы. Единичным пунктиром разогнанной оказалась проблема о том, начать ли занятия с определения заветности и компетентности известных событий или же приступить к работе по открытию центральных организаций власти. Просмотрев несколько заседаний консультации все же додумались разделяться на три подкомиссии, которых было назначено соответствующим образом.

богатырскими, ся оружуюсь въ рукахъ. Изобрѣтшій пою всѣхъ тѣлесности въ го-
сударственной думѣ засѣдѣ. Опиню на-
чали дѣло «изысканіе Ленинскаго и Троцкаго
подъ рукою большевиковъ», пытаясь задор-
жаний имъ убѣдить изѣть. Онь уже вы-
работалъ планъ действий и подготовилъ
осуществоеніе этого плана въ помощь
куки, сочувствующихъ людямъ. Но руко-
водившій засѣданіемъ кругъ рѣшительно вы-
говаривалъ противъ изѣда, подобноѣмъ вѣ-
сѣровъ борбамъ. Самыи вѣсѣровъ, по изѣ-
мленію, выговаривали противъ перехода къ
вѣсѣровской вѣсѣровщинѣ борбамъ съ большеви-
ками изѣдъ тогдѣ, чѣмъ большевики вынужда-
ли противъ угодническаго обраѣнія не под-
дуть. Такими смѣшными казались тогда
этихъ засѣданій «изѣдовъ»! Они молчали
на него, но для его действительной запи-
тии, — какъ разъясняли намъ теперь
Б. Соколовъ, — разыгравшаго ничего не хѣ-
зали. Да и другимъ людямъ, менѣе опти-
мистично или менѣе фаталистически на-
огружавшимъ, они тоже не изодолили ничего
делать. Вышло ли то убѣдженіе, что Россия
дѣятельно превратится въ «вара-
междульскую страну»? Нѣтъ, скорѣе это была
ядро въ чудотворную силу демократиче-
скаго явищаго.

Воспоминания Б. Соколова, раскрывающие перед читателем путь русской эмиграции, героям которой хроники 1917—1918 г. г., касаются бывшими образом социал-революционной партии. Но оно привело, стало в своих антагонистах строителей империи в борьбе с общей формой. Оно отмечает, что весь интеллигентский народ в России, столь непримиримый в антических в прошлом, оказывается безвольным, когда приходит пора выйти из осуществляемых своих программных требований, бизнесменами и беспомощными. Для объяснения находят они для этого факта то, что национальность русской интеллигентии вообще, а во вторых — нравственности самими партий при новых условиях жизни. Что касается первого объяснения то оно не разрывается вопроса, а вспоминает о споре о его общей природе. Но второго блока подходит к существу вопроса. И самими воспоминаниями Б. Соколова — несомненно, искренними и правдивыми — даются ценные материалы для его освещения.

Воспоминания Н. Кринецкого о событиях в Крыму в 1916-1918 г. представляют собой рассказ свидетеля тома, чтотворилось на его глазах в это бурное время. Нельзя не отмечать, несмотря на его различие точек зрения и то, что автор описывает события с оглядкой на существование союзника с Б. Соколовым, как в изображении постепенности разгрома армии и флота, так и в характеристиках отношений центра. В его письмах подходит разъяснить тоже приходящий из первых рук от крымским моряками рассказами о большевистскими агитаторами и находящим самим разумом среди пожизненных запасов.

ицам, тяготивших воинской службой. Они также рассказывают, о понимании, что король является наследником отцовским и большинством. Но это воспоминаниями мы погибли, между прочим, поговорил обличение севастопольских узников. Убийца офицера был проинициатирован первоначально приглашены балтийцами. Балтийцы хотели привлекать линии съезды морскими офицерами, которые горю в 1905 и 1912 годах участвовали в военно-морских судах. В дальнейшем выяснилось, однако, совсем другое: убийства без разбора, по всем же только морским офицерам. Только же февраль 1912 года нападение массовых убийства сухопутных офицеров. Плохонькая матросчики пошли жертвой, никак Островская. Это уже было время организованного беззакония террора и рукою виновных изложил, наставляемых исключительно своей жестокостью и наглостью.

Очень живо, чисто по-жизненному, но искренно и ярко, написана воспоминания Е. Пестшойцер о 1921 году в Петербург и Москву. В это время она два раза безуспешно пыталась перебраться в Финляндию, и только из третьей разы ей это удалось. И да при третьей попытке ей удалось попасть на желанный финский берег! Поэтому становится тому, что рабакъ вытащил ее из воды, из боли. Рассказы Е. Пестшойцер об этом отголоски погоняли ее, погоняли, преследовали, подобравшись, погоняли, преследовали, подбирались, Но еще больше захватывала ее художественность положение в Москве и в Петербург за здѣшнюю. Какая же ни мѣстного жгучести, злобы учредителей этого собрания, г-жы Пестшойцер довелась въ сѣе знакомиться и съ нормальными въ послѣднихъ гвардіяхъ. Ихъ она восхищала неизѣлько красноречивыми страницами. Оттѣшно отмѣчала одну очень любопытную терпимость советского быта. Какъ имъ исключительно было положение уразумѣвшейся, на долюности соѣдѣній, пасажиръ по назначению людъ изъ партийныхъ стажажей и карьерахъ эти пасажи въ дѣлали. Большинство изъ рѣко пользовались услугами ико, и сама пасажирка безжалостно нечеловѣка.

Въ отдѣлѣ документовъ обращать и
себя вниманію прежде всего послѣдній
портрѣтъ Николая II. Это фотографический
снимокъ, сдѣланній красноармѣянцемъ въ
Екатеринбургѣ.

Основный материал для характеристики состояния русской армии в 1917 и 1918 году даёт «Сводка материалов по истории Переславского уездного рабочего». За неё служат продолжение дневника Баркова-Будорга, рисующего порядки и условия на Дальнем Востоке в 1918 г. Эта запись, не вытеснённая из памяти и непротиворечивая, даёт характеристику правящего большевистского расхищателя во время Восточной Сибири также пытавшегося творить. П. Ш.

Современные Записки
XVIII. 1924. Порядъ.

XVIII. 1924. Петрогр.

Художественная проза в это время, по-
мимо журнала, кроме романов, Зайкова и
Степуны, еще не законченных, и оттою
тогда олицетворенное подложившим, предста-
влено рассказом Бунина «История
песни». Оно написано по-бунински, чудес-
нами, плавкими, и здесь — русский дух,
ярче Русью нахмель, прелестей, до-револю-
ционной Русью. Свою любовь к ней и
свои презрительные, свое отвращение к тому,
что Русь обратилась гонерам, авторы вы-
ражают до того изощрено, они, так
же явно решаются по признавать в отчизне
настоящего уходить в прошлое, что это ко-
нечно в его чистую художественность
вклиниваются даже птичками публици-
стики. Но именно в чистых, отудинских
водах русской речи и в плавнотопливной
эрзаке, с которой изобразена русская
стихия, тонется у нашего писателя широкое
такое тепличноечество, и в общем
развертывается перед нами картина без-
уединения. Родной побаивает («эта первая»),
потих жуткий, отвратительной полевой
тишины, пыльной глущи, запахах берез, боя-
рствий, восточной съязжести! Всю мое,
Боже мой, опять — посыпь тысячи леть са-
мой страшной в мире катарии! — опять
что это святое, чистое бесконечно, закатаива-
ющееся за лесок солнце, дает, пророги в
простыне, горькие и съязжий ароматы, слад-
кий холодок заря...), и на фоне ей — ка-
ки-то чулок, ушибленный прекрасной
силы, дворянское гигзло, как будто
это чужеземная и нагая история, отъ развали-
вленного разгрома охраняющее двумя «про-
зрачными-драматичными» львами на огром-
ных каменных воротах. И становится
понятным, настроение героя, который ниче-
го общего не имеет, не может иметь,
с новой жизнью, «упустившей для него
всю песенную», и всей романтической жиз-
ней своей уносится въ природный мир
старин, въ Елисейские поля своихъ воспо-
мианий и видений.

Для изучающих творчество Л. И. Толстого несомненным интересом представляются листки из его записной книжки (годы 1877-1881), сплаженные замечаниями Т. И. Постера. Приведем здесь одну запись из этой старой книги: «ревюною, первы, это — социальность, профессия, какая всякая другая, какая военная (американская полная); ошибочно думать, что она выше других».

Остры и мятки, часто явившиеся именем критический замечания Антона Краиного в его статье «Литература и запись»; но очень основательно утверждение автора, будто вся современная русская литература («всё лигий главных» ее писателей) из России «выплюнута» в Европу: если не держаться вышеширокой табели о рангах и

гible dicti, комиссия чуб было не про-
вогласила принципа религиозной свободы:
въ проектѣ ея была статья,ъъзывающая
религию частнымиъ дѣламиъ каждого гра-
жданина и признававшая за всѣми гра-
жданами право пользованія свободой религиоз-
ной пропаганды. Это было, конечно, не-
правильно, сбѣшть признать Гуревичъ.
Этъ чувствовалася отголосокъ старой с.-д.
программы. Въ обстановкѣ диктатора про-
лѣтаріата отголосокъ звучалъ ахансономъ.
Можетъ ли пролетариатъ, добившися господства, вступающій въ борь-
бу между прочимъ, съ вѣрой въ сверх-
естественное, можетъ ли онъ признавать
такое вредносное дѣло, какъ религія,
частнымиъ дѣлами гражданъ? Дѣятель-
ственная свобода совѣтъ есть свобода отъ
религіи, чужихъ предразсудковъ. Но вѣр-
ти пролетариатъ можетъ отоспинуть лишь тор-
жествомъ лѣта времени. Оплющеніе
единогласной комиссии было замѣчатель-
но и неправильно въ комиссии ЦК коммунистической партии. Установленіемъ же постыль-
ной тектовъ на съѣзѣ соѣдѣнъ, вообще про-
шлое почти безъ препрѣнія и было принято
спонтанно.

итак на своем пути комиссия неоднократно сомневалась. Но все же она со-здала проблекратический продукт. Со-вейтская конституция, по мнению ее историографов, есть «главы пролетарского единства, диктуемый им самому себе». В этой конституции нет никакой химеры — идущей за народной или даже классовой волей. Советское избирательное право со-здано не для упешивания избирателя. Оно построено так, что справилько понятый (Кибз Н. Т.) классовый интерес может быть осуществлен даже вопреки здрав-

